

Творческое объединение «ЗЫБЧАНИЕ» представляет ЛИТЕРАТУРНУЮ СТРАНИЦУ

Светлана
ВОЙТОВА

РОДИНА

Мы будем вместе, я тебя не брошу,
Родная моя Родина, страна.
Я разделю с тобой любую ношу
В тревожные лихие времена.
Я помню твои нежные закаты,
Холодный ветер, тишину полей,
Раскаты гроз, стареющие хаты
И рощу, где поёт мне соловей.
В твоей земле лежат мои родные,
И внуки возлагают им цветы.
И смотрят с неба облака седые,
Как мы с тобой живем, и я, и ты!

«РОЗЫ».

Фотоэтиюд Бориса МЕЙКУПА.

Надежда
КОЖЕВНИКОВА

МАРИУПОЛЬСКИЙ ХАТИКО

Пёс думал – это сборы
на прогулку,
Стоял у двери, будто
на посту,
А если вдруг рвались снаряды
гудко
Поблизости, то давал в темноту.
– Нам только бы до гаража
добраться:
Вчера бензина удалось достать, –
Сказал мужчина. – Будем
прорываться,
Нельзя детей здесь больше
оставлять.
Не вышло так, как думалось
вначале:
На обездвиженную, а потом – вперёд...
Со всех сторон взрывали и
стреляли,
А кто ж того,
да кто ж там разберёт!
Гражданские машины догорают
У блокпоста... И трудно не понять,
Теперь уж, что свон по ним
стреляют
Чтобы не смели город покидать.
Ах, сволочи! А тут и их достало –
Снаруду все равно куда лететь.
Дверей в машине будто не бывало,
И оказалось, кровью пахнет
смерть...
Так пёс подумал. Обошёл машину,
На заднее сиденье заглянул,
И, вздыбив шерсть и грозно выгнув
спину,
На бой с врагом невидимым
шагнул.
Да только струсил враг.
Какая жалость!
Ему с детьми лишь
впору воевать.
И понял пёс: одно ему осталось –
Тела людей любимых охранять.
Он охранял без усталости и лени,
О смерти их, случалось, забывал
И лапой скрёб хозяйина колени,
И детям долго пальчики лизал.
А на войне минута всё меняет –
Десант на точке.
Все готовы в бой.
– Смотрите, пёс убитых
охраняет,
– Сказал друзьям десантник
молодой.
Нашлись вода и кружка у солдата.
Пёс подошёл
и жадно стал лакать,
А командир сказал:
«Ну всё, ребята!
Фашистов разрешаю
в пшен не брать!»

Надежда ЩИПАКИНА

Отче наш, иже еси на небесах... – тихо шептала она слова молитвы, начинавшей каждый день её теперешней жизни, которую она всегда хотела сделать красивой, интеллигентной, наполненной яркими радостями. Она стояла перед единственной маленькой иконой в уютной комнатке – гнёздышке, где всё дышало пристальной любовью к изысному и исключительному, подчёркивающему хороший вкус хозяйки.
– Господи, прости прегрешения вольные и невольные, прости перед всеми, перед кем виновата, дай всем, Господи, любви друг к другу, – так она молилась, будто разговаривала с Богом, исполняя вечную просьбу о любви, покое и красоте. Утреннее стояние перед иконой стало привычным и необходимым, как чистить зубы и умываться, и она часто говорила своим знакомым, что по-настоящему образованный и воспитанный человек должен начинать свой день с очищения – с молитвы.

– Какое очищение? – раздражённо говорил муж. – Мы и спим-то уж сколько порознь, ты и днём и ночью неосквернённая, как ангел, исполняя модных всё никак не подберёшь.
Он шёл на кухню, громко, в сердцах, ставил чайник на плиту и ждал, когда закипит.
Сегодня она молилась особенно старательно, заручаясь Божьим покровительством в предстоящей паломнической поездке по святым местам. Народ подобрался разный: мамочки с детьми, мужчины, так себе, без широкого кругозора, сероватые. Но более всего раздражали старушки: суетливые, шумные, беспрестанно дающие советы, они вились, как бабочки-белокрылки, вокруг батюшки, и подойти к нему было невозможно. А душа требовала доверительной беседы.
– Мам, – в комнату, когда она дочитывала последние слова молитвы, заглянул старший сын, самая большая её неудача в жизни после мужа, в котором она в юности опрочметливо почувствовала обещание

красивой жизни и ошиблась, – мам, а где мои носки?
– Сколько раз я тебе говорила не заходить ко мне в комнату, когда я молюсь! – задерживая дыхание, зло прошептала она.
– Удаляюсь, удаляюсь, – сын по-клоунски согнулся в поклоне и, умилно сложив ладони у груди, поднял к иконе глаза, – Боженька, прости, я не хотел вам помешать.
Она в сердцах захлопнула дверь.
– Боже, прости его, – она выдохнула слопнувшуюся злость и стала опять перед иконой, вспоминая прерванную мысль, но та не приходила, и настроение было окончательно испорчено, поэтому пришлось задуматься о том, что брать в дорогу. Но тут дверь опять отворилась и из-за неё робко просунулась лохматая голова мужа:

– Нин, не знаешь, где заварка?
– Какая заварка! – чуть не плача, вскрикнула она, – не видишь: я молюсь!
– Вижу, вижу, вижу – уважаю, – муж поспешно закрыл дверь.
День явно не заладился.
– Господи, – собирая вещи в небольшую сумку, она уже не молилась, а будто просила покоя и уединение, как просят у чиновника отдельную квартиру.
В прихожей звонил телефон.
– Привет, теща, – послышалось начало разговора, – Нинка как? Собирается по святым местам. Не хочет ли поговорить с тобой? Щас спрошу.
– Нин, с матерью своей не хочешь поговорить?
Нинка зло свернула глазами:
– О чём говорить с ней? Она что, забыла, что я не хочу с ней разговаривать и не буду?
– Нет, теща, не хочешь Нинка говорить с тобой, крепость неприступная, намоленная.
Уже на лестнице Нинка вспомнила, что так и не дочитала молитву и на ходу начала снова: «Отче наш, иже еси...»

КРЕПОСТЬ НЕПРИСТУПНАЯ

Владимир
КУХАРИШИН

ВЕТЕР

За окошком спальни
Завывает ветер,
Грустный и печальный,
Как никто на свете.
Отыскать стремится
Родственные души,
Чтобы поделиться
Россыпями струж.
Хочет разболеться
Памятью о разном.
Но и в дом, и в сердце
Рвётся он напрасно.
Там, где всё в порядке,
Ни к чему ненастье –
В маленькой кроватке
Спит большое счастье.
Папина надежда,
Мамина отрада.
За утраты в прежнем
Лучшая награда.
Остаётся, ветер,
Навсегда снаружи.
Здесь тебе не встретит
Родственные души.

Татьяна
САМУСЕНКО

ПОД ШУМ ДОЖДЯ

Под шум дождя, прикрыв глаза,
Приятно в звуках раствориться.
И возникает чудеса,
Что ловит слух. Что в них таится?
Гремят раскаты вдалеке,
Рёв ближе к дому приближают.
Вдоль по асфальтовой реке
Машины с шумом пролетают.
По листьям скачет дождь, шуруша,
И водостоки с нетерпением
Бьют струями воды, спеша
Наполнить бочки, с упоением...
Всё стихло, дождь уже прошёл.
Слышней и звонче птичек пенье.
Свежо, прохладно – хорошо!
Страхнуть чудес опенение!
Открыть глаза и выйти в сад,
Смочить ладони влагой с кроны
Кустов, деревьев... Мир так рад,
Легко вздохнул весь мир зелёный!

«У РЕЧКИ ЗЫБКИ». Фотоэтиюд Оксаны ПРИЧЕСНОЙ.

Мария
МУХИНА

БЕРНАР ФОНТЕНЕЛЬ
По Парижу, по праздничным
улицам
Мы вдвоём.
Маскируемся и копируем
водоём...
Мы фонтанами извергаемся
о мечтах,
На ладонях твоих качается
грустный Бах...
Мне в глаза твои слабо верится,
Но живу
Тем, что мир твоим сердцем
стелется
К миру.
Я обманная и лукавая,
ты – пролог,
На ладонях твоих качается
мудрый Бог.
Ты мне дан невоспетой
верностью
Навсегда,
Как же ласково тьму рассеивают
И глаза
И дыхание твоё – спасение. Мир
внутри ж
Ты – любовь моя и познание, и
Париж...

Ольга
БУЛАНОВА

СКРОМНИЦА
Ромашка скромницей слыла
Средь ярких лилий.
Она невзрачно была,
Они – пленили.
Склонив головку на бочок
Она вздыхала,
И в тихий летний вечерок
С тоской гадала.
Полобит кто меня иль нет?
Я одинока.
Одна встречаю я рассвет –
Как жизнь жестока.
Но на заре
однажды в сад
Пришёл садовник.
И ярким лилиям
был рад,
Беды виновник!
Он эти лилии сорвал,
И как-то вскоре
Букет шикарный
тот увял –
Какое горе!
Ромашка белая росла
Уже без лилий.
Она застенчивой была
И без идилий.

Нина
ОСАДЧАЯ

НОВОЗЫБКОВ

В Новозыбкове очень красиво,
Я живу здесь, спасибо судьбе.
Ну, а встретится где-то
с любимым –
То по городу скверы везде.
Есть и озеро, очень красивое,
А название «Верность» ему.
Молодые сюда приезжают
Лебедину встретить семью.
А дома здесь большие, уютные,
Знают люди богато живут.
У фонтана они отдыхают,
А по праздникам видят салют.

Художник Мария КРАВЧЕНКО.
«БЕЛЫЙ КОЛОДЕЦ, КУПЕЛЬ».

Татьяна
ПОЖИЛЕНКОВА

* * *
Сняли кожу, а жить оставили
И смотрел во все глаза
Микроскопов, что делать стану я.
Мне бы кожу мою назад!
Сняли кожу и пальцем пробуют
Обнажённую суть мою.
Лезут дальше – в мою утробную,
Путь для Бога куда храню.
Хороните меня раздетую,
С раскочерченной душой –
Я поэтом не стану поэтому.
Вы ж ликуйте: вам хорошо!

Алексей
КРАЕВОЙ

СОН И ЯВЬ
Как будто гром или же звон
На крик похожий иль на стон
В тревожной дали прокатился,
Стрелой звенящей
в небо взвился.
То тут, то там «грибы, грибы»,
Как смерчи встали на дыбы.
Даль трювидно закружилась
И в черно-смертной гари
скрылась.
Тела меляют, ноги, руки,
Кричат и стонут в страшной
муке
Знакомые родные лица,
Вокруг все рушится и пепелится.
Дороги нет вперед, назад,
Книгит, будет суший ад:
Огонь и кровь, и смерть вокруг!..
И все исчезло как-то вдруг.
И я проснулся, весь потая,
И то же вижу: на постели
Игриво блещет солнца луч,
Прошла гроза, не видно туч,
В окно стучится веткой клен...
«Как хорошо, что это сон!»
«Динамио» на стене висит
И диктор тихо говорит:
«...А небо было синим, синим
В тот жуткий миг над
Хиросимой,
Цвели в то утро розы, маки
И в СэШэ, и Нагасаки,
Пылл колокольный тихий звон,
Был счастья, мира полон он.
И вдруг «грибы, грибы»,
Как смерчи встали на дыбы
И колокольный тихий звон
Сменил всеобщий ужас, стон.
Сегодня в мире неспокойно,
Опять бушуют гдет-то войны,
У бомб и карт стел-то мяники,
Готовят новый Нагасаки.
Психоз войны невиносимый –
Неужто снова Хиросима?»